

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Постанархизм, растолкованный моей бабушке

Принцип Гулливера

Мишель Онфре

Мишель Онфре
Постанархизм, растолкованный моей бабушке
Принцип Гулливера

Скопировано 2017-09-09 с <https://avtonom.org/pages/michel-onfre-postanarhizm-rastolkovanny-moey-babushke>

ru.theanarchistlibrary.org

великана можно остановить, связать и приковать к земле, это не из-за макрологичной власти кого-то одного, но благодаря микрологичному приумножению маленьких связей. Добавление мелких сил образует, наконец, невероятную силу. Если революция возможна, она больше не будет осуществляться сверху, через насилие, кровь и террор, которые сеют воины какого-то авангарда, но снизу, имманентным, договорным, капиллярным, ризоматичным, примерным образом. Работы хватит всем...

Оглавление

1 Ситуация	6
2 Сохранение	9
3 Преодоление	16
4 Предложения	21
По ту сторону добровольного рабства.	27

если отказ от рабства поддерживается доброй волей, он сбудется... Этот призыв обозначает утопию, но не в фантазматическом регистре Фурье (который предусматривает сочетание планет, трансформацию океанов широкие лимонадные пространства или приход анти-жираф...), а в регистре, что исходит из принципа действия, эта утопия работает как компас, указатель направления, маяк на мысу.

Эта логика предусматривает завершение макро-политики и революции в старом стиле, что предлагали большое поле: космос (у Фурье), но более общее и так же нескромно целую планету, весь мир (у марксистов). Макро-политика потерпела сокрушительное поражение. Что можно сохранить от века марксизма от Москвы до Гаваны, следуя через Пекин? Ничего. Лагеря, полиция, армия, наблюдательные вышки, тюрьмы, колючая проволока, казни, преследования, унижения, террор, общее подозрение, возбуждение наиболее низменных эмоций - страха, ревности, жадности, злости, злопамятности, войны всех против всех. Или это цель их инициаторов? Во имя величайшего счастья наибольшего числа людей, правда?

Конец макро-политики открывает путь микро-политике, истине постанархизма. Эту новую логику, скромную, простую, не такую вопиющую, но которая пресекает мессианско-религиозную модель, я называю принципом Гулливера. Но она не менее эффективна, несмотря на то, что либертарные действия, микрологичные анархистские акции не такие эффективные и зрелищные. Неуловимость микрологичного действия не мешает микрологичным опорам иметь ощутимые последствия.

Все знают историю великана Гулливера, которую рассказал Свифт. Также никто не забывает о лилипутах. Если

власти, хотя своим существованием она обязана доверию, которую ей предоставляем: достаточно перестать её поддерживать, и она упадёт сама, как колосс на глиняных ногах; нас много, а власть одна, агрессия, война, насилие или грубость подходят там, где достаточно больше не служить тому, что нас угнетает, потому, что мы сами создали, и мы сами навязываем себе зло и можем прекратить самоувестье; мы не желаем свободы, ведь нет ничего проще, если мы пожелаем, как овладеть ей, наше молчание или наша пассивность делают из нас сообщников власти; мы родились свободными, свобода - наше естественное благо (достаточно взглянуть, как зверь, захваченный в ловушку, рвётся на свободу ...), но сила, следовательно хитрость, наконец, привычка формируют фактическое положение дел, от которого мы уже не отказываемся; повиновение приводит мягкотелость, трусость, безволие, неспособность к великим поступкам, откуда интерес правителей отуплять подданных; рабство поддерживается умножением развлечений, которые обеспечивает власть: когда игрища, зрелища, театр, во времена Ля Боэси пиры и увеселения, сегодня наши современные антиповстанческие формы активности - спорт, видео-игры, информационная тирания, общество потребления; рабство также поддерживается союзом власти и священного - в этом смысле медиа-система добавляет ещё одну скрипку в оркестр, создавая магическую ауру через виртуальность тела короля; доминирование поддерживают и тех, кто знают толк и хорошо устроились, ведь им платят деньгами или символическими наградами, они функционируют как приводной ремень в системе служения.

Конкретная утопия. К этому призыву больше не служить, чтобы стать свободным, Ля Боэси добавляет: «доброму намерению почти всегда сопутствует удача». Иначе говоря, если сопротивление действительно решительно,

Завоевать себе право создавать новые ценности – вот чего больше всего боится выносливый и почтительный дух.

Ф.Ницше, Так говорит Заратустра, «О трёх превращениях»

Термин «постанархизм» мало что говорит французам, тогда как в США он характеризует мысль, диалектически хранящую ряд идеалов классического анархизма, но преодолевающую их ради создания мысли, открытой для новых либертарных идей. Такова архитектура нашего постлибертарного предложения.

1 Ситуация

Многозначность анархизма. Историю анархизма надо ещё написать. Чаще всего нам предлагают меню, в котором легкомысленно намешаны противоречивые мировоззрения: так, радикальный индивидуализм Штирнера стоит бок о бок с коллективизмом Кропоткина, похвала революционному насилию Бакунина делит одну страницу с ненасильственным пацифизмом Себастьяна Фора, христианский анархизм Толстого уживается с антиклерикализмом Жана Грера, апокалиптический милленаризм Годвина сосуществует с прагматизмом Прудона, подчёркнутая непорочность последнего соседствует с ультра-гедонистическим проектом Фурье или прославлением любовной дружбы у Эмиля Армана... Одни воспевают Равашоля, как героя и оправдывают бомбистов, участников вооружённых акций, которые убивают (и невинных тоже ...), тогда как Александр Жакоб, разбойник-джентльмен, на вроде Арсена Люпена, совершает «индивидуальные нападения», никогда не проливая крови (даже крови предполагаемых виновников, типа нотариусов, риелторов, судебных исполнителей ...).

Впрочем, тот же Прудон, которого беспрекословно называли бы анархистом (и он сам охотно себя так называл), отстаивает гомофобные, женоненавистнические, антисемитские, милитаристские позиции. Но есть и Даниэль Герен, который рассказывает о своей гомосексуальности, Луиза Мишель, которая защищает женское дело, Бернар Лазар, выступающий за права евреев вообще и дело Дрей-

По ту сторону добровольного рабства.

Какой руководящий принцип постанархизма? Категорический императив? Его утопия, иначе говоря, идеал разума? Точка, в которой всё идёт? Определяющая максима? Формула? Эта удивительная фраза Ля Боэси является сутью политической мысли «Рассуждение о добровольном рабстве»: «Наберитесь смелости больше не служить, и вот вы свободны». Ведь увольнение не приходит из какого-то другого места, чем от желания тех, кто его предпочитает. Увольнение - это не афера, которая переносит все на завтра, на мифический канун триумфа революции, оно не падает с неба в подарок от эксплуататоров. Оно не предусматривает благочинства капитализма или милосердия господ. Оно не возникает, когда вдруг совпадают гипотетические обстоятельства истории. Оно не зависит от действия образованного пролетарского авангарда. Оно не наступает благодаря восстанию субпролетариату в лохмотьях, которые наконец взбунтовались. Оно приходит, потому что отказываются давать власти то, что ей обычно дают, чтобы она существовала.

Политический гений друга Монтеня (который пишет этот большой текст либертарной политической философии примерно в двадцать семь лет ...) понять может каждый: мы живём в состоянии постоянного страха, поскольку мы никогда не уверены, что господин будет хорошим, ведь он имеет власть быть злым, если пожелает; мы боимся

полгода, пусть отложат плакаты, чтобы поработать в обществе, они будут воплощать свой либертарный идеал, хотя очень скромно, пусть натирают свой идеал о жёсткую кожу реального и мира, хотя бы несколько часов, тогда они увидят, что идеализм верующего ничем не отличается от их идеализма, поскольку мир не создан из концептов, но создан из сил, сопротивляющихся, потоков бессмысленного насилия, иррациональных страстей, из индивидов, которые подталкивают их влечения, и совсем не разум, ведь мир не подчиняется соображениям и диалектике, риторике и доведением, пусть даже они анархистские. Лучше маленькое анархистское продвижение на определённом участке, чем крупные либертарные разглагольствования в фольклорном стиле ... Применим выражение Диогена-либертария относительно Платона-доктринёра: «Для чего нужен философ, если за всю жизнь он никого не потревожил?»

Итак, постанархизм предлагает концептуальный набор: либертарный социализм, отвергающий либерализм, как справа, так и слева, так же коммунизм, во имя солидарной и братской практики; номинализм как боевую машину против идеализма; следственную этику как постхристианской, а следовательно, посткантiansькую утилитарную этику; прагматизм, что отказывается от беззаботных мечтаний сопротивления материи мира; реализм постоянного взаимодействия; диалектику между мыслью и действием, теорией и практикой, словом и делом, никогда не принося в жертву одно другому.

фуса в частности, Луи Лекуан, который борется за мир, за что проводит срок за решёткой, и они также выступают от имени анархизма... Непросто в таком особом расписании однозначно называть себя анархистом...

Итак, из этого анархического разнообразия постанархизм подбирает элементы, с помощью которых можно построить политическую теорию, способную быть жизнеспособной и полезной в эти первые годы нового тысячелетия. Стоит ли на религиозный лад приносить жертвы старым доктринам анархистских соборов? Надо ли подчиняться, как в церкви, указам, провозглашённым синодами? Обязательно ли следовать тому, что анархистский катехизис проповедует своей пастве? Или может здесь и где-нибудь, а скорее и лучше здесь, чем где-либо, выступить с целебным лозунгом: «Ни Бога (-ов), ни господина (-ов)»?

По ту сторону догм. Вспомним несколько догм. «Государство воплощает абсолютное зло», - даже когда речь идёт о механизме, который равноправно и свободно, справедливо и беспристрастно распределяет результаты налогов? «Выборы - это всегда ловушка для дураков», - даже когда в них участвует Прудон или, как считал Мюррей Букчин, когда можно развивать либертарные сообщества, или можно установить с помощью голосования политические силовые отношения, которые, конечно, не идеальны, но более благоприятны для либертарного идеала? (Скажем, в конкретных случаях запрета детского труда, отмены смертной казни, легализации аборт, возмещения за добровольное прерывание беременности, сокращение рабочего времени, расширение полномочий профсоюзов, минимального реабилитационного дохода, гражданских браков, разрешения на гомосексуальные браки, признание прав отцовства для гомосексуальных пар и т.д. ...).

Другая догма: «Капитализм - всего лишь момент в истории мира, его нужно уничтожить», - однако он является

непреодолимой истиной обмена, начиная с тех пор, как мир стал миром. Ведь часто путают капитализм, в качестве способа производства богатств, который предусматривает частную собственность, и либерализм - способ перераспределения полученных таким образом богатств. Так что существовать мог бы либертарный капитализм, вроде того, как существовал советский капитализм или как экологический капитализм, к которому именно мы, кажется, сейчас и движемся...

Поэтому, действительно, стоит ли подпадать под влияние догм, когда называешь себя врагом всех догм? Или мы должны отрицать всякий авторитет, кроме авторитета собственной церкви? Разве анархизм не является по сути отказом от любых догм, включая анархистские догматы, во имя свободы мышления, критического и свободного использования своего ума, развития рациональности без эпистемологических, поучительных и идеологических препятствий? Очень часто анархистский ум подчиняется эпистемологической помехе, в частности, верованиям, его кристаллизуют, а затем цементируют во вредный призрак.

содержание доктрины в связи с сопротивлением, которое оказывает мир идеям и мыслям. Следовательно, он учитывает последствия: мысль и действие не являются двумя отдельными, непроницаемыми, разнородными мирами, но двумя сферами, которые взаимно насыщают друг друга.

Так что стоит позаботиться о практическом фурьеризме, чтобы переосмыслить Фурье и поддержать его мнение. То же касается политической философии Оуэна и его попыток в Нью-Ламарке или Соединённых Штатах. Также нужно внимательно изучить основания успеха кооперативов Годвина. Что на самом деле делать, когда выступаешь от имени анархизма с провальными проектами утопических сообществ XIX века? Доктринёр ничего не хочет знать о проблемах практического применения, ему на помощь приходит идеология, большинство времени он подменяет реальное, но не хочет затрагивать свой идеал. Постанархизм рассматривает свою теорию в свете своей практики.

Сколько анархистов по старой привычке удовлетворяются активистской практикой чисто словесного толка? От акций, заточенных под распространение брошюр, к ведению задушевного дневника (или сайта сегодня), рисунков на стенах, изготовления транспарантов, созданию лозунгов, участия в маршах, во время которых мир убивается, конечно, с помощью слов, очевидно, в негативном и отрицательном стиле, но с доминированием ресентимента и печальных страстей? Эти акции, собственно, - кроме того, что вызывают улыбку в правых, руководства, либерального капитализма, властителей, правящих миром и грабящих планету, - происходят от политического фольклора, в котором не заметно никакого ощутимого прогресса.

Мнения, насыщенные действиями. Пусть эти активисты отложат свои мегафоны и действуют, хотя бы минимально, пусть они конструируют, хотя бы понемногу, пусть активизируются в положительных поступках, хотя бы на

манифестантов...), он предлагает знаменитое решение: распустить народ и выбрать другой. Доктринерам свойственно мыслить по этому принципу: распустить народ... Номиналист же действует в соответствии с конкретной ситуацией, предпочитает реальное, а не догму...

Итак, постанархизм предполагает, что мы порывает с доминированием морали принципа, от Платона до Канта, через христианство, который выдаёт нравственные законы, (несмотря на их справедливость, правильность или применения): если принцип не работает, равно, значит ошибается реальность, но никогда не принцип. Кант призывает не врать, чтобы не пачкать источник права? Но если есть такая ложь, что позволяет нам быть моральными в одном месте, и эта ложь толкает кого-то на смерть и аморальна в другом месте, то что тогда делать? Подчиниться принципу, какими бы ни были последствия, как утверждает Кант.

Марксистский революционер утверждает, что коллективная апроприация средств производства, следовательно коллективизация экономического базиса де-факто вызывает изменение идеологической надстройки, потому что одно обуславливает другое, согласно якобы научной истине. Но если реальное опровергает эту причинно-следственную связь и противоречит марксистской доктрине? Тогда он отрицает реальное, которое ошибается, и настаивает на своей теоретической ошибке. Покончим с этим реликтом религиозного мышления и логики, происходящей от верования, а следовательно, от патологии, от отрицания реального.

Следственная этика. Постанархизм рассматривает теорию в соответствии с практикой и наоборот. Он не подгоняет реальное под определённую доктрину, но действует, воплощает, работает на месте, пытается реализовать свой анархистский идеал, затем адаптирует, изменяет, уточняет

2 Сохранение

Господствующая историография. История анархизма является необозримой строительной площадкой, на которой царит невероятный беспорядок. Историографии здесь не позавидуешь, более семи лет я предлагаю деконструировать её в рамках Народного университета. Анархистская историография воспроизводит те же общие места, те же неточности, искажения, перевираание, как и все остальные, поскольку её (редкие) авторы удовлетворяются писаниями историй настоящего, компилируя истории прошлого, не обращаясь к текстам, не читая, несмотря непосредственно, кто сказал, что, когда, как и при каких обстоятельствах. Так, многократно отчеканенная, ошибка становится, здесь и где-то, откровением и евангельской вестью.

Возьмём несколько примеров. Уильям Годвин? «Предтеча анархизма», - тогда как он был протестантом-миллениаристом, который средством убеждения и риторики рисует наступление рая на земле в очень далёком будущем... Штирнер? «Анархист-индивидуалист», - даже если он воплощает незыблемый и аморальный солипсизм, согласно которому бедность этого мира в целом и пролетариата частности не стоят никакого внимания... Прудон? «Отец анархизма», вопреки, как я вскользь отмечал, пренебрежении к женщинам, ненависти к гомосексуалам, призыва к уничтожению евреев, осуждение современного искусства и пожелания хорошего здоровья всему, что позволит вести войну... Толстой? «Христианский анархист», - но как уповать на счастье

на земле, одновременно проповедуя иллюзорность мира сего, высшую истину мира неземного и байки о первородном грехе или провидении? Здесь минимум, и чтобы избежать теоретического столпотворения, надо приступить к реальной критической работе, перестать довольствоваться повторением общих мест, которые поставляет анархистская церковь...

Инвентаризация. Анархистский корпус знаний - это огромный карьер под открытым небом, в котором встречаются самородки, если бы в этом удивительном мире велась хоть какая-то инвентаризация. Очевидно, минимальная этика нас приведёт к отрицанию и осуждению фалократии, женоненавистничества, антисемитизма, милитаризма, колониализма. Следовательно - надо будет изучить, что в этом корпусе касается конкретных и датированных определённым временем ответов на конкретные и датированные определённым временем вопросы. Например, не будем принимать сегодня за чистую монету выводы, которые делает Бакунин или Кропоткин по России их времени, воспроизводя это в наших нынешних условиях.

Также попробуем понять, что ненависть к государству, свойственная анархистам XIX века, жившим в тех условиях, когда эта машина служила только поддержке и воспроизводству бедности, препятствуя наступлению либертарного общества силами полиции, армии, тюрьмы, что одновременно это государство сделало политические сдвиги, которые мы упоминали выше - отмена детского труда, аннулирования смертной казни, легализацию абортов и т.д. ...

Также надо покончить с живучестью христианской модели в создании анархистской мифологии: весть о втором пришествии Христа, апокалиптическое верование, миллениаристская вера, оптимизм конца света, конец истории благодаря, наступлениерая на земле... Всё это - схема гре-

(иначе говоря, неизбежно исчезает ограбление рабочей силы со стороны владельца). Постанархизм - антилиберальный, антикоммунистический, социал-либертарный.

Имманентная республика. Такая республика больше не имеет ничего общего с господствующей и трансцендентной моделью, которую в целом понимают под этим термином. Она не падает с неба идеей политической философии, подобно радужному божеству на землю, но поднимается от земли и происходит из народа. Поэтому она восстанавливает связи со своей этимологией: *res publica* - общее дело. Надо десакрализировать республику, которую превратили в объект культа 1789 года и предоставить ей своё имманентное и горизонтальное измерение.

Постанархизм разбивает фетиши, упавшие с неба, какие бы ни были сферы фетишизации. Он устанавливает радикально имманентное истолкование реальности, мира, слов и политики. К отказу от либерализма и коммунизма добавим также отказ от любой светской теократии. Анархизм - это дело взаимных договорённостей, которые непрерывно восстанавливаются, а не указов, спускающихся с теоретических эмпириев, где, как концептуальные эктоплазмы, плавают Закон, Право, Революция, Анархия, права человека. Постанархизм отменяет царство концептов и утверждает время номинализма в политике.

Номиналистическая политика. Что такое номинализм в политике? Отказ возвышать Идею над реальным, отвержение кантианства, доктринального и идеологического, презирающий пластической природой реальности; преодоление старой веры, якобы доктрина является более истинной, чем сама истина. Помним известное высказывание Брехта в пьесе «Решение», комментирующее восстания 17 июня 1953 (в ходе чего выступления рабочих подавались как антирабочие акции, направленные против коммунистического режима ГДР, когда власть убила около сотни

вторую молодость со своими избитыми рецептами. «Коммунистическая гипотеза» Алена Бадью - симптом этой патологии. Выбрать себе такого противника означает для либералов повисить свои шансы получить лёгкую победу. Но «лёгкая победа не приносит славы»!

Либертарный социализм. Если мы хотим избежать правого либерализма, его близнеца слева и коммунизма в стиле XX века, тогда надо наполнить понятие постанархизма существенным содержанием, с одинаковой решительностью отказывается от либерализма и коммунизма, иначе говоря, от либерального и советского капитализма. Либертарный социализм, или проект либертарной республики, приобретает смысл в радикальной отказе от преступного тезиса, согласно которому всем на свете заправляет рынок.

Социализм - потому что время покончить с марксизмом в стиле «гоп-стоп», который заключается в замыкании социализма в манихействе, из которого нам пока не удалось освободиться. Маркс выявил основания, с одной стороны, научного социализма, своего единственного, настоящего, диалектического материализма, подтверждённого истинностью фактов (!), а, с другой стороны, утопического социализма, иначе говоря, социализма всех остальных, объединяя под одним зонтом прагматическую мысль Прудона, лирическую формулу Фурье, а затем все остальные предложения, склоняются к одному или другому из двух полюсов.

Однако существует либертарный социализм. Вопреки догме, по которой невидимая рука рынка всем управляет и приносит только блага, он предлагает не доверять этому Деистическому эпифеномену о невидимой, но провиденциальной силе. Социализм ставит экономику на службу людям, он реорганизует производство в направлении более справедливого перераспределения, то, что Прудон в «Что такое частная собственность?» Называл «l'aubaine»

хопадения, смывается через искупление: вина капиталистической частной собственности искупается спасительной пролетарской революцией...

Также мы выиграем, если перестанем распространять тезисы Руссо о доброй человеческой природе и плохом обществе. Это антиномия, якобы, решится, по мнению некоторых захваченных букволической философией анархистов, благодаря изменению общества: вместе с другим распределением богатств как результатом нового способа производства, также требует революции, вместе с коллективной апроприации средств производства получим нового человека, наконец, найдём под толстым слоем грязи чистоту первобытного человека, добросердечного от природы! Детские сказки, спокойной ночи...

Революция раз и навсегда решает все проблемы и гарантирует исчезновение зла во всех формах (больше никаких преступлений, убийств, эксплуатации, насилия, злобы, нищеты, злодеяний, ненависти, злопамятства и подобного, общество, наконец, без полиции, без «тюрьмы, без армии, без войны, без виселиц, без негативности...»), - вот несусветная выдумка, достойная фантастических сценариев, наиболее инфантильных и религиозных.

Когда мы выбросим отжившие (поскольку созданы они были в своём месте и в своё время) ответы анархистов, пусть даже это отцы анархической церкви, когда мы порвём с христианской схемой революции с её вестью о предстоящем рае, когда перестанем верить в миллениаристские фантазии с обещаниями радужного общества, когда не будем подпадать под наивный руссоизм, тогда придёт время позитивной альтернативы, - что ставит своей целью постанархизм.

Положительная анархия. Что такое положительная анархия? Это то, что в анархистском корпусе не ограничивается критикой, негативностью, деконструкцией,

ресентиментом, жадной мести, жадной ненависти, жадной злобы (Ницше прекрасно проанализировал этот механизм во взглядах социалистов, коммунистов, анархистов...). Это то, что предлагает, открывает перспективы, творит новое, показывает пути, выводит из тупика. Это то, что позволяет, по словам Ницше, «изобрести новые возможности существования». Против влечения к смерти и закона мести, однозначно печальных страстей, постанархизм устанавливает царство влечения к жизни, стремится к закону величайшей радости наибольшего числа людей.

Что же мы выносим после такой инвентаризации? Урок Годвина: желать жизнерадостное сообщество, что является предпосылкой любого анархистского предложения, для которой власть [autorité], которая сходит с неба идей, исчезает в пользу власти <[autorité] имманентной, выбранной, договорной, свободно согласованной. Урок Прудона: поддерживать либертарный прагматизм, что определяется не платоновским или гегелевским идеалом, а учитывает одну лишь земную реальность. Урок Штирнера: получать силу через «ассоциацию эгоистов», что распыляет могущество Единого и создаёт Троянского Коня, способного действовать в реальности момента. Урок Луизы Мишель: испытывать справедливость как внутреннюю движущую силу мысли и действия.

Урок Фурье: создавать либертарные микро-сообщества, строить постмодернистские Фаланстеры, задуманные в качестве лаборатории, позволяющие анархистам, по словам Бергсона «помыслить в человеке действие и задействовать в человеке мышление» и не довольствоваться кантовской чистотой идеала, который никогда не загрязняется конкретным действием. Урок Бакунина: остерегаться, как чумы, власти и тех, кто её осуществляет, даже во имя анар-

4 Предложения

Радикальный антилиберализм. Итак, постанархизм предусматривает оживление критической мысли, что происходит с мая 68-го и университета Венсен. Также он имеет целью исправить положение в интеллектуальной области после доминирования «новых философов» 80-х годов, на смену которым в следующее десятилетие пришёл «демократический индивидуализм». Эти консервативные, если не реакционные силы полностью послужили распространению либерализма в политике и его аналогам: дискредитация радикальной левой, инструментализация крайне правых, разрушение республиканских ценностей солидарности и братства, отождествление нации, вышедшей с 1792 года, с милитаристским и воинствующим национализмом, замена республиканской модели либеральными ценностями, рост настроений неучастия, фетишизация либеральной Европы, которую подают как решения любых проблем, прославления рыночных принципов во всем...

Либералы слева живо сотрудничают с либералами с права, с которыми они, кстати, дежурно меняются полномочиями по логике распределения территории. Для обеспечения господства они подбирают себе врага слева и выдвигают вперёд некоторые старые идеи, окрашенные в новые цвета, «возвращают в седло» Ленина, Маркса, Мао, даже Сталина. Отсюда успех бывших альтюсериянцев, стратегический подъём структуралистов-лакановцев, небескорыстная реабилитация старых гоштивистов, что переживают

ловек радовался очень мало, вот, брат, наш единственный первородный грех». Он откровенно называет себя учеником Диониса... Альбер Либертад в своём анархистском индивидуализме также вдохновляется идеями Ницше... Историю об этих влияниях ещё предстоит написать...

хии, поскольку власть портит каждого, кто ею владеет - исключений не бывает.

Урок Кропоткина: развивать прекрасную склонность к солидарности, существующую среди животных, а следовательно, и среди людей. Урок Торо: оживить либертарный категорический императив Ля Боэси: «Наберитесь смелости больше не служить, и вот вы свободны!», откуда следует незаурядная эффективность гражданского неповиновения. Урок Элизе Реклю: не смешивать политическое использование научного открытия и внутреннюю истину этого открытия, ведь наука не является хорошей или плохой сама по себе.

Урок Себастьяна Фора: вложить силы в либертарную педагогику, народное образование, проекты воспитания умственных способностей и анархистских умов. Урок Александра Жакоба: приветствовать нелегальность «индивидуальных нападений», когда они помогают бедным ... Урок Со д'Акса (Zo d'Axa): быть анархистом вне анархии. Урок Эмиля Пуже: легитимировать саботаж, который становится приемлемым инструментом, если направлен на улучшение положения рабочих. Урок Эмиля Армана: отстаивать для тела право на радость, ведь революция касается и сексуальных отношений. Урок анархо-синдикалистов: рассматривать доктрину как результат действия.

Урок Махно: формировать необходимую дисциплину по негласному согласию и свободному согласованию. Урок Пелутье: стремиться к «культуре самого себя». Урок Волина: осуществлять синтез различных либертарных подходов, в частности, анархо-синдикалистских, анархо-коммунистических и индивидуалистических течений. Урок Малатесты: громко и ясно утверждать, что либертарная революционная цель никогда не оправдывает авторитарные методы. Урок Ан Ринера (Han Ryner) или Манюэль Девальда (Manuel Devaldes): провозгласить

индивида мерой анархистского идеала. Урок Эммы Гольдман: дополнить анархизм гедонистической жизнью. Урок Луи Лекуана: жить анархистской жизнью за многовековым принципом «философского жизни» греко-римских мыслителей.

Анархистский Алфей. Парижская Коммуна обескровила французский анархистский гений, преимущественно прудонистский по своей сути. Теракты и бомбы, брошенные в рестораны, дискредитировали либертарное дело и среди многих анархистов. Банда Бонно, понося идеал вплоть до убийств с целью наживы, надолго связала прекрасное слово анархизм с мафиозными злодеяниями стаи налётчиков. Первая мировая война разбила анархистскую мечту своей неспособностью к всеобщей забастовке. Триумф марксизма раздавил либертарных гений худшими методами. Кто выступал во имя анархизма в XX веке, добавив что-то к корпусу новых ценностей?

Конечно, были работы Даниэля Герена и Луи Лекуана, Анри Арвона и Жана метроном, но новые идеи они предлагали? Какие новые концепции? Какие средства? Эти достойные люди часто создавали анархистскую легенду, перебирая блестящие россыпи XIX века... Их произведения были прежде всего историческими. Постулат постанархизма заключается в том, что как река Алфей (которая, по мифу, потерялась в море, но пересекла океан и невредима продолжила своё течение на противоположной стороне...) является анархистское течение, что выходит за пределы исторической, самопровозглашённой, заметной в пределах институтов движения, анархии.

В этом ряду идей стоило бы вспомнить, например, о генеалогической роли Джорджа Оруэлла и Симоны Вейль, Жана Гренье и Альбера Камю. Но после ни до сих пор во французской мысли существует замечательное рыбное место под названием «French Theory». Имена, которые

об отсутствии детерминизма (явного в тексте философа) в пользу избирательного волюнтаризма (его в творчестве Ницше не найти), который бы открыл путь для левацкого ницшеанства: на самом деле речь шла о желании наслаждений, которые непрерывно повторяются (это, пожалуй, смутило бы самого Ницше...).

Наступает май 68-го. Он подтверждает ницшеанские идеи: отмена единой и трансцендентной истины, прав перспективизма, распад Единого и рождения Разного; конец потусторонности, что оправдывает существующий строй; доминирование чистой имманентности; исчезновения христианской телеологии; явления радостного приобщения к воле к власти = воле к жизни; отстранение аскетического идеала иудео-христианства; появление тяги к жизни, прославленной в языческом стиле; падение старого мира, возникновение «новых возможностей существования»...

В философии, но и в самом анархизме, господствующая историография часто забывает, что ницшеанство оживляет анархистскую мысль; ортодоксальная историография анархизма мало обращает внимание на близость либертарию к отцу Заратустры. Постанархизм, наконец, оценивает плодотворность этой связи. Он дарит недостающее звено между анархией «прекрасной эпохи» и анархией настоящего - если бы только одна не становилась другой...

Несколько примеров. Луиза Мишель утверждает: «Мы стремимся завоевать хлеб, кров, одежду для всех. Так исполнится замечательная мечта Ницше о наступлении сверхчеловека...» Эмма Гольдман в книге «Живя мою жизнь» пишет, что Ницше, как бунтарь и новатор, аристократ духа, «на самом деле был анархистом, ведь все настоящие анархисты были аристократами»... Эмиль Арман ставит «Сексуальную революции и любовное дружбы» под эгидой Ницше, слова которого вынесены в преамбулу к тексту: «С тех пор, когда существуют люди, че-

в одеждах Макиавелли - с 1983 года устанавливает либеральное правление (продолжая называть себя социалистической), во-вторых, откровенный, - приход к власти Николя Саркози 2007 года вместе с переходом большей части интеллигенции к антифилософским (если вспомнить высказывание XVIII в., которое так характеризовал соперников Просвещения) и контрреволюционным (если говорить об откровенной оппозиции красному маю 68-го, который, несмотря на отсутствие политической перетасовки, бесспорно был идеологической революцией) тезисам. Это - контрреволюционная антифилософия, слепыми свидетелем которой были, между прочим, так называемые «новые философы»...

Хребтом этой враждебной к маю 68-го «мысли» было анти-ницшеанство. Неудивительно, что авторы книги «Мысль 68-го» (1988) выступили с инициативой издать сборник «Почему мы не ницшеанства» (1991), неявно декларируя желание убить отца, которым было французское ницшеанство и некоторые из его учредительных действий. Имеется в виду два главных философских события - седьмой коллоквиум в Ройомони 4-8 июля 1964 (публикация издательства «Minuit» 1967 года) и коллоквиум «Ницше сегодня» в Серизи в июле 1972 года (вышел в двухтомном издании серии 10/18 в 1973 году). Итак, к 68-м был Ройомон, а после 68-го - Серизи ...

Либертарное ницшеанство. В Ройомони Фуко выдвигает триаду, которая с тех пор стала очень популярной - «Ницше, Фрейд, Маркс». Это название его доклада, которая предлагает рассматривать Ницше как мыслителя интерпретаций и перспектив. Мы до сих пор воспринимаем Ницше именно так... Со своей стороны, Делез делает доклад о воле к власти и вечном возвращении, что даёт ему повод пройти в компании безумного философа, под ручку с мыслителем в маске, затем подтолкнуть его к выводам

мы вспомнили, конечно, не связаны непосредственно с анархизмом, но эти мыслители создали концепты, идеи, средства, полезные для формирования постмодернистского либертарного корпуса. Постанархизм отталкивается от этого трамплина и черпает оттуда интеллектуальное вдохновение.

3 Преодоление

Генеалогия постанархизма. Опираясь на уроки богатого историческими событиями XX века (две мировые войны, фашизм, нацизм, сталинизм, шoa, Хиросима, ГУ-ЛАГ, геноциды, затем, после 1989 года, падение восточных тоталитаризмов, либеральная глобализация, тирания информационной машины, экологические катастрофы...), постанархизм предлагает размышления, отталкиваясь от преимущественно французской мысли, и предлагает выход из нигилизма, учитывая относительно недавние философские труды.

Например, работа Мишеля Фуко: о конце власти, расположенной только в одном месте — государства, и об археологии повсеместно расплывчатой власти, о системе контроля за телами через тюрьму, больницу, а также школу, казарму, о политической цели использования понятия «ненормальности», о необходимости постхристианской этики, основанной на заботе о себе и использовании удовольствий; об управлении собой, которое является более приемлемым, чем управление другими, от которого оно высвободиться, о необходимости фигуры специфического интеллектуала и так далее...

Или работа Пьера Бурдьё: о необходимости антилиберальной борьбы, о насущной необходимости создания коллективного интеллектуала, который может вести эту борьбу, о демонтаже механизмов социального воспроизводства и политической тирании - Университета, крупных школ, телевидения, журналистики, о неизменности мужского

доминирования, о необходимости вывести профсоюзную борьбу на широкий европейский уровень и т.п.

Также произведения Жюль Делеза и Феликса Гваттари (об их сотрудничестве часто забывают, вспоминая только первого): о гениальном изобретении (благодаря Гваттари ...) микрополитики, которая очень справедливо провозглашает, что на смену классическому фашизму пришли микрофашизмы, о возможности микросопротивлений в контексте этой новой конфигурации, о необходимости создания сетей между этими оппозиционными силами, о концепте трёх экологов и экософии, определённом в связи с этим анализом.

Также размышления Жана-Франсуа Лиотара: о виталистическом измерении либидинальной экономики; о конце больших объяснительных нарративов и отказе вписывать модерн в маленькие рассказы, о постмодернизме как спасительном выходе из структурализма, об определяющей этико-политической роли эстетических авангарда, о гедонистическом прославлении аффективных интенсивностей, о его немарксистском Марксе и других языческих установках и так далее...

Также многочисленные публикации Жака Дерида, но не о грамматологии или концепции «различия», а о праве, распространённом в философии, об архитектурной роли дружбы, о другом университете, о критическом сотрудничестве с психоанализом, о политике гостеприимства, о новом определении терроризма об определении «государств-изгоев», наконец, об этике относительно животных и т.д. ...

Непреодолённая антифилософия. Эта философия, которая использовала термин «мысль 68-го», чтобы перейти к политическому реваншу против мая 68-го, имела два эффекта: во-первых, циничный, - либеральное заражение Социалистической Партии во власти - через Миттерана